

Подозрительный Набоков, или За что сидел Кирилл Ганин

20 июля в ДК МАИ состоялась постановка спектакля Ганина. После спектакля Ганин был задержан сотрудниками следственного управления ГУВД Москвы, которые причину ареста объяснили тем, что "спектакль явно порнографический". Материалом для обвинения Ганина послужила видеозапись спектакля, проведенная агентурой за несколько дней до представления на генеральной репетиции. Сотрудники милиции представились кинематографистами, снимающими фильм на эротическую тему, и попросили разрешения у Ганина на съемку.

С тех пор до конца 1994 года Ганин пребывал в Бутырке в камере, в которой содержалось 90 человек. Он был лишен свиданий с матерью и общения с адвокатом. Даже попытки матери передать сыну теплую одежду (в

О скандальном деле 27-летнего театрального режиссера Кирилла Ганина, взятого под стражу за постановку спектакля по Сартру "За закрытыми дверями", Москва говорила летом и осенью. К зиме слухи поутихли. А дело было так.

связи с наступлением осени и зимы) бдительными стражами порядка были пресечены. Помогли сокамерники: с миру по нитке собрали зимние пожитки. Ганин объявил голодовку, за что немедленно был отправлен в Институт Сербского на предмет обследования психического состояния. Психиатры не нашли у него никаких отклонений, зато следствие сформулировало обвинение: статья 228 — производство, распространение и рекламирование порнографических изделий.

Перед новым годом из под стражи освободили, взяли подписку о невыезде. Следствие продолжается.

— Цензуры у нас нет, — говорит Кирилл Ганин, — но любой спектакль, на который нет разрешительной бумажки от какого-нибудь художественного совета, может быть поводом для ареста. В нашем спектакле звучала музыка Альбиниони, Моцарта, Шопена, но, поскольку на сцене воспроизводились сцены Ада, на заднем фоне присутствовали обнаженные тела — мужские и женские. Почему именно мой спектакль привлек внимание милиции, а не возбуждительные стриптизы в ночных клубах и не половые акты, демонстрируемые телевидением, для меня так и осталось загадкой. Санкция на арест была оформлена до спектакля. Интересно, если бы спектакль по какой-то при-

чине был сорван — что бы мне тогда инкриминировали? Адвокат, ознакомившись с делом, развел руками: защищать можно, когда есть за что, а тебя взяли ни за что — как защищать?

При обыске у меня забрали записную книжку. У пятнадцати абонентов произвели обыски... К делу были приложены материалы обвинения: сценарий спектакля, 50 афиш, программы. А обыск был тщательный — искали то ли фильм, то ли наркотики. Ничего не нашли, отправили в тюрьму. Следователь на допросах задавал примерно такие вопросы: "Вступал ли в половые отношения с актрисами? А с коммерческим директором?" Когда я упомянул о своей мечте поставить спектакль по книге Набокова "Приглашение на казнь", наши правоохранители мне терпеливо объяснили: у них до сих пор хранится бумага, где черным по белому указано, что Набоков — порнографический писатель. Весь этот абсурд можно было бы воспринимать с усмешкой, если бы не страшная реальность: тюрьма, обращение с тобой как с опасным преступником, изнурительное следствие и будущее в полном провале.

Анна ФУРТИЧЕВА.

На снимке: Кирилл Ганин после выхода из тюрьмы.

Фото
Игоря ИВАНДИКОВА.